

М. М. Шевченко

Крымская (Восточная) война России: политика, стратегия и общественное мнение

Длительный мир и стабильность в Европе, отвечавшие долгосрочным русским национальным интересам, сохранение завоеванного в наполеоновских войнах первенствующего положения России среди Великих держав император Николай I, как известно, видел в отвращении угроз Венской системе международных отношений, главные из которых исходили от французского и германского национализма — стремления к реваншу за поражение Наполеона I и образования единого германского государства, способных полностью опрокинуть равновесие сил в тогдашнем мире.

Преодолев неблагоприятную обстановку начала царствования — три тяжелых, хотя и победоносных войны, демографическую яму, связанную с последствиями наполеоновских войн, эпидемию холеры, унесшую жизнь каждого седьмого русского солдата, — Николай I в 1831–1846 гг. осуществил масштабные военные реформы. Они включали в себя преобразование рекрутской повинности, повлекшее фактическое введение в России конскрипционной системы, принципиально сходной с западноевропейской, создание корпусной системы из трех родов оружия с резервными и запасными войсками, а также государственного подвижного ополчения и резервной кавалерии по образцу наполеоновской, но вдвое большей по численности. Николай Павлович впервые в истории осуществил перевооружение всей Русской армии единым образным стрелковым оружием, и притом дважды. Он создал систему главных командований на важнейших стратегических направлениях. Реорганизовал Военное министерство. Центральное место в созданной им русской военной

организации занимала так называемая Действующая армия — крупнейшее объединение полевых войск империи, главная ударная сила на европейском стратегическом направлении, ключевая структура при общем мобилизационном развертывании сухопутных войск России, во главе с фельдмаршалом князем И. Ф. Паскевичем.

К началу 1850-х гг. Николай I нарастил военную мощь России в 2,5–3 раза по сравнению с 1815 г. и построил третий по мощи в тогдашнем мире военноморской флот. После этого в Европе ни одна держава не могла один на один бросить вызов империи русского самодержца. Это наглядно продемонстрировал арбитраж России во время европейского революционного кризиса 1848–1849 гг., сопровождавшийся блестящим Венгерским походом и силовым устрашением Пруссии, принужденной к миру при так называемом Ольмюцком унижении.

Стремясь ревизовать Венскую систему, Франция избрала косвенный путь. Как только телеграф отстучал известие о победе Луи Бонапарта на президентских выборах, французский консул в Иерусалиме на следующий день сделал агрессивное заявление по вопросу о принадлежности Святых мест. Но по мере развития Восточного кризиса 1850-х гг. даже провокационный характер французской политики и дипломатии, например грубое нарушение Лондонской конвенции о Черноморских проливах — прибытие посла в Константинополь на 100-пушечном линкоре «Шарлемань», еще не мог означать фатальное для России развитие событий. Константинопольская миссия князя А. С. Меншикова, которому Николай Павлович ставил задачу дожать Турцию до полного принятия неизбежности подчиниться русскому влиянию в ущерб другим Великим державам, в таком качестве не вызывала одобрения князя Паскевича.

Оба они — Паскевич и Меншиков — входили в то ближайшее окружение императора Николая I, с членами которого монарх вступал в политические дискуссии, выяснял естественные пределы военной мощи России, то, какую войну она в принципе может выиграть, а какую — нет. Хранившие до своего последнего вздоха эти политические тайны избранные советники венценосца были частью оваянного славой побед над Наполеоном героического поколения ветеранов великого для России 1812 г., которое фактически управляло империей в николаевское тридцатилетие, занимая, по сути, ведущие правительственные позиции. От шедших им вослед поколений во имя блага страны требовались преданность и самоотверженное повиновение вышестоящим не за страх, а за совесть. Исключалось же при этом развитие у представителей пестуемой николаевской политической системой молодежи самостоятельных зрелых суждений именно о том, каковы естественные пределы мощи империи, что значит вообще для России быть готовой к войне. «Охраняемые на море и на суше собственными силами, мы не имеем нужды хлопотать о союзах и равнодушно смотрим на мелкие интриги Запада, в бессильной зависти его к нашему непоколебимому могуществу»¹, — в этих и подобных словах автора учебника русской

истории академика Н. Г. Устрялова отражалось стремление императорского правительства видеть русское общество исполненным не просто чувства национального самоуважения, но и непоколебимой уверенности в военно-политической самодостаточности России. Отсюда и происходило то, что «воспитывалось поколение, настолько привыкшее к победам, настолько приученное к мысли о военной неуязвимости России, что оно окажется не в состоянии не назвать отступление поражением, а поражение — катастрофой». Возникшие в годы несчастливой войны «либеральные настроения имели, таким образом, корни в оскорбленном чувстве национальной гордости, в прививаемой годами склонности переоценивать военные ресурсы России. Парадокс состоял в том, что эти настроения были следствием “николаевской” системы ценностей»².

Морской министр, начальник императорского Главного морского штаба, финляндский генерал-губернатор и главнокомандующий «войсками в Финляндии расположенными» Меншиков оказался причастен к тому, что русскую общественность события Крымской войны застали в атмосфере «цензурного террора», утвердившегося с конца 1840-х гг. Политические тенденции, заложенные еще в эпоху Александра I, в результате шестнадцати с лишним лет управления С. С. Уваровым ведомством народного просвещения, наконец, стали приносить плоды в виде широкого контингента подданных новой формации — выпускников университетов, пансионов, лицеев, гимназий, присутствие которых дало себя знать и на государственной службе. Этот кадр, испытывая острую потребность в печатном слове и самовыражении, нуждался в известном расширении публичной сферы и общественной перспективе. Император Николай I оказался совершенно к этому не готов и не смог правильно оценить усилия Уварова, направленные на то, чтобы не отталкивать новое поколение, не допустить нарастания у него политически опасного для самодержавной России чувства невостребованности. В результате отставки Уварова и хаотического ужесточения цензуры посредством негласных комитетов учено-литературная общественность с 1848–1849 гг. полностью лишилась печати как средства самовыражения³.

Волею императора в феврале 1848 г. Меншиков возглавил особый Комитет для рассмотрения действий цензуры периодических изданий. Не видя возможности предотвратить ошибку Николая I в области цензурной политики, он старался занимать позицию, благоприятную опальному министру народного просвещения Уварову, а затем и вовсе от надзора за печатью полностью отстранился⁴.

И. Ф. Паскевич, занимавший рядом с монархом особое положение в связи с внешней политикой и вопросами стратегического планирования, считал требование о расширительном толковании статей Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., связанных с правом русского покровительства православным подданным султана, слишком жестким для турок, что было чревато их стремительным сближением с Великобританией и Францией — главными соперниками России в Восточном вопросе⁵.

В составе миссии Меншикова имелся штаб во главе с вице-адмиралом В. А. Корниловым и генерал-майором А. А. Непокойчицким, который провел рекогносцировку Босфора на предмет возможности высадки русского десанта в качестве наилучшего средства давления на Турцию. По мнению Корнилова, успешная высадка десанта была возможна при условии глубокой секретности ее подготовки, и до тех пор, пока британское и французское военное присутствие ограничивалось обыкновенным числом кораблей в Смирне и Пирее⁶. Даровитый историк и видный военный писатель белоэмиграции А. А. Керсновский отмечал: «Блестящее состояние Черноморского флота, воспитанного Лазаревым и предводимого Нахимовым, безусловно, допускало эту смелую операцию, однако против нее восстали дипломаты школы Нессельроде, робкие натуры, которых пугал ее размах и решительность... Рутинеры военного дела, скептически относившиеся к десантным операциям, поддержали дипломатию и настояли на отмене этого десанта. Мерам предпочли полумеры...»⁷ Тем самым Николай I и Меншиков якобы упустили единственный шанс предотвратить вторжение англо-французского флота в Черное море.

В действительности ведомство иностранных дел здесь не играло решающей роли. Его глава канцлер граф К. В. Нессельроде был скорее техническим исполнителем воли самодержца, хотя и высочайшего класса, в отличие от Меншикова и Паскевича не входившим в избранный круг его политических советников. В случае появления флота и войск западных морских держав в зоне Черноморских проливов удержание побережья Босфора русским десантным корпусом было возможно только при наличии морской коммуникации, обеспечивавшей его снабжение, боевое и медицинское обеспечение. Для этого был необходим достаточный транспортный тоннаж, которым Россия на Черном море в это время не располагала. Десант на Босфор Николаем I и его политическим окружением рассматривался всегда либо как дружеская помощь Турции, либо, в случае ее враждебности, как авангард армии, которая должна была прийти из-за Дуная, перейдя Балканы, проложив коммуникацию за собой. Возможность осуществления последнего в связи со складывавшейся военно-политической обстановкой после некоторых колебаний в конце концов отрицательно оценил Паскевич. Его выжидательная позиция в конечном итоге себя оправдала.

На начальном этапе восточного кризиса 1850-х гг. стратегические расчеты Николая I и его ближайшего окружения основывались на известном военно-политическом опыте русско-турецких войн и были достаточно осторожными. Появление французского флота вблизи Дарданелл снизило шансы высадки на успех до неприемлемого уровня. Некоторое время обсуждался вариант десанта в районе Варны и Бургаса. В качестве средства давления на Турцию была предпринята оккупация Дунайских княжеств с последовавшей затем неудачной попыткой создания на базе их кадровых войск вооруженного ополчения из балканских славян-добровольцев. После отклонения Портой компромиссной Венской ноты, формально поддержанной всеми Великими державами,

после предъявления турецкого ультиматума с требованием очистить княжества и последовавшего начала русско-турецкой войны из-за неясности политической обстановки Россия еще продолжала сохранять оборонительное положение. Должно было последовать форсирование русскими войсками Дуная ближе к границам сербских и болгарских земель с целью вызвать массовое восстание славян со вспомогательным ударом в его низовьях. Австрия восприняла русские войска в княжествах как прямую угрозу своим интересам, отвергла предложения России согласиться на дружественный нейтралитет, приступила к мобилизации и выдвиганию войск к границам. Николай I и его окружение в целом стремились избежать обострения конфликта с Францией и Англией как главными конкурентами России в Восточном вопросе, и казалось, что это в конечном итоге может быть достигнуто.

Но после побед русских войск на Кавказе и уничтожения турецкого флота при Синопе произошло нечто беспрецедентное. Два непримиримых соперника в полуторавековой борьбе за мировое морское и колониальное первенство, чьи противоречия так долго определяли международные отношения в Европе, заключили военный союз против России. Вслед за Австрией Пруссия также отвергла русские предложения подписать договор о нейтралитете. Последовал англо-французский ультиматум об очищении Дунайских княжеств. Обе германские державы присоединились к этому требованию, хотя и в несколько более мягкой форме.

Для России это была в буквальном смысле слова стратегическая внезапность, т.е. явление в военно-политической истории Великих держав Нового времени весьма редкое. Об этом в записке императору Николаю I от 28 февраля 1854 г. прямо заговорил его первый полководец и военный советник фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич: «Четыре европейские державы предлагают нам свой ультиматум. Мы находимся в том положении, что теперь вся Европа против нас на море и на сухом пути: Англия, Франция, Турция уже объявили войну; Австрия, можно сказать, на их стороне. Пруссия будет также вскоре увлечена. Никогда Россия не бывала еще в таковых тяжких обстоятельствах». Старый военачальник вспоминал 1812 г. и указывал, что политическая обстановка тогда была далеко не столь неблагоприятной и наполеоновское вторжение именно стратегической внезапности из себя не представляло: «При императоре Александре Павловиче в 1812 г. Англия была за нас, с Турцией успели заключить мир. Неограниченное властолюбие Наполеона заставляло задолго предвидеть 1812 г. и дало нам полтора года на приготовления. В 1810 г. могли мы начать уже формирование новых полков; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины в тылу и потому, в 1812 г., начав отступление до самой Москвы, пополняли убыль в войсках резервами. Государь перед началом войны еще колебался. Из Вильны послал Балашева к Наполеону, но ответ был: поздно. К счастью, фланги наши были свободны и все средства Англии в нашем распоряжении. Россия могла выдержать со славой борьбу с Наполеоном». Теперь же масштабы

войны, перспектива которой вырисовывается перед Россией, заведомо превышают естественные пределы ее военных возможностей: «Ныне обстоятельства так быстро изменялись, что не дали нам возможности приготовиться. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне кажется нельзя уже сомневаться, что Пруссия будет действовать вместе с Австрией против нас. Имея двух неприятелей в центре, тогда как десанты французов на черноморских берегах в одно время с австрийцами из Трансильвании выйдут на коммуникации нашей Дунайской армии, а пруссаки обойдут наш фланг в Литве, мы уже не можем держаться ни в Польше, ни в Литве, а отступая не найдем магазинов». Война при таком раскладе сил угрожает России неминуемой потерей царства Польского, Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины: «Европа может повторить кампанию 1812 г., но вероятно избежит ошибок Наполеона. Она будет вести войну методически, отбросит нас за Днепр и, отняв Польшу, усилится нашими же крепостями в Царстве и Литве. Несчастья и потери тогда России трудно теперь предвидеть, и нужна будет счастливая война, чтобы вознаградить их и прийти в прежнее положение. Таковы мне кажутся неизбежные последствия войны теперь *против всей Европы. Пока она в соединении, мы с ней бороться не в силах* (курсив мой. — М. III.)». Чтобы выиграть время, сейчас нужно, продолжая переговоры, принять ультиматум об очищении Дунайских княжеств и отвести из них войска на заранее подготовленные позиции на Днестре. А затем, по мнению Паскевича, необходимо всеми силами затягивать войну, и тогда появится реальный шанс удержать австрийцев и пруссаков от вооруженного выступления против России. Для него было очевидно, какая нравственная ответственность перед страной была сопряжена с принятием такого образа действий: «Конечно, больно для самолюбия каждого русского решиться теперь уступить, но, со временем, Россия поймет, что от того зависела ее судьба и благословит как спасителя Того, кто великодушно решился теперь на пожертвование»⁸.

Австрийские войска нависали над коммуникациями русской армии в Молдавии и Валахии. Попытки Дунайской армии после переправы, на которой настаивал император Николай I, развить успех на южном берегу, в этих условиях были сопряжены с огромным риском. Удар австрийцев во фланг и тыл Горчакову мог привести к полному разгрому. Видя по многочисленным агентурным данным высокую готовность австрийской армии к нападению, Паскевич писал в Севастополь князю А. С. Меншикову, ясно излагая смысл своих действий: «Действительно, когда будет против нас вся Европа, то не на Дунае нам необходимо ожидать ее... Австрия, имея до 230.000 войск в Венгрии, Трансильвании и на сербской границе... пошлет в Фокшаны, Яссы или Каменец... тысяч 60 или 70, нам совершенно в тыл... Тогда положение будет так тяжело, как не было и в 1812 году, если мы не примем своих мер заранее и не станем в своей позиции, где бы не опасались, по крайней мере, за свои фланги... Я ожидаю об этом повеления, а, между тем, сохраняю вид наступательный для того, чтобы, угрожая Турции, оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их

на себя...»⁹ Убедившись в справедливости аргументов князя Варшавского, Николай I распорядился наконец прекратить осадные работы под Силистрией. Получив 12 июня его приказание, Паскевич немедленно увел войска за Дунай, сохранив небольшой плацдарм у Тульчи и Искачи, а в конце августа армия М. Д. Горчакова отошла за Прут¹⁰.

Вся дальнейшая стратегия России в Восточной (Крымской) войне была построена в основном на расчетах и предложениях Паскевича. Развитие политической обстановки продолжало сохранять ту опаснейшую тенденцию, на которую он указывал. 8/20 апреля 1854 г. Пруссия согласилась заключить с Австрией оборонительный и наступательный союз, который должен был вступить в силу в случае угрозы «общегерманским интересам». Это означало, что нанесение превентивного удара по австрийцам теперь сопрягалось с риском, повышавшимся до неприемлемого уровня. Любой переход русскими войсками австрийской границы мог означать перспективу войны со всей Германией. Швеция на переговорах с британцами в качестве обязательного условия своего активного присоединения к военным усилиям антирусской коалиции называла вступление в войну Австрии¹¹. Стратегическое развертывание сухопутных войск России при жизни Николая I сохраняло в основном антиавстрийский характер с мощной группировкой в царстве Польском при умеренной в целом концентрации сил в Крыму и достаточной на Кавказе.

Меншиков хорошо знал, какой масштаб боевой мощи русского флота был изначально задан николаевской стратегией как возможный в условиях России. Еще при восшествии на престол в 1825 г. специально учрежденному Комитету образования флота император Николай I поставил задачу: «Россия должна быть третья по силе морская держава после Англии и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав»¹². С началом Крымской войны Черноморский флот своей Синопской победой 18 ноября 1853 г. подтвердил, что этому требованию он полностью соответствовал. Но еще 8 ноября Меншиков предупреждал наместника Кавказа главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала светлейшего князя М. С. Воронцова, что в случае появления в Черном море англо-французского флота обладание морем автоматически переходит к последнему, что требует эвакуации гарнизонов малых укреплений на кавказском побережье¹³. С учетом всей критики в отношении Меншикова за просчеты и недооценки, повлекшие техническую отсталость русского флота по сравнению с флотами его первоклассных противников в Крымской войне, и деятельных усилий самих этих критиков вплоть до самого конца периода империи в 1917 г. Россия и в наилучшие времена не поднималась выше уровня «третьей по силе» морской державы.

Среди современников и историков были и такие, кто, несмотря на ряд отталкивающих черт характера Меншикова, приводил неопровержимые свидетельства, подтверждающие, что князь Александр Сергеевич, без сомнения, обладал незаурядным глазомером в области стратегии и, по военной терминологии того

времени, высшей тактики. Приняв командование войсками в Крыму, он до высадки неприятеля провел многие и тщательные рекогносцировки полуострова¹⁴. В письме императору Николаю I 29 июня 1854 г. Меншиков точно сформулировал цель предстоявшего неприятельского вторжения в Крым: «...уничтожение флота и Севастополя», точно назвал наиболее вероятное место высадки союзников — район Евпатории, откуда неприятель, по его мнению, должен был двинуться вдоль моря под прикрытием флота на Севастополь. После занятия Дунайских княжеств австрийцами, вступившими туда после ухода русских, англичане и французы, полагал князь, находятся в состоянии отправить в Крым «от 50 до 60 т[ысяч]» человек, не считая турок. Это означало, по его убеждению, что в первом же столкновении имевшихся в его распоряжении сил с экспедиционным корпусом союзников «битва будет одного против двух, чего, конечно, желательно избежать»¹⁵. Поэтому в письме командующему войсками Дунайской армии генерал-адъютанту М. Д. Горчакову от 30 июня 1854 г. он просил вернуть в его распоряжение 16-ю пехотную дивизию¹⁶.

Меншиков был практически единственным, кто точно определил, что должно было произойти. Высадка союзниками десанта такой численности была беспрецедентным по своим масштабам событием в военной истории Нового времени. Не случайно европейски известный в то время военный теоретик и историк Г. В. (А. А.) Жомини высказывал скептическое отношение к крупным морским десантам. Не случайно все остальные известные на тот момент среди русских военачальников предположения имели в виду другое побережье и другую возможную численность десантного корпуса неприятеля¹⁷.

В Альминском сражении союзники имели над русскими не только почти двойное количественное превосходство в живой силе, но также и качественное. Здесь были Венсенские стрелковые батальоны и алжирские соединения французов, британские гвардейские части. У русских «действовали почти исключительно войска 6-го корпуса, никогда не бывшие в огне. Корпус этот... — отмечал гвардии капитан Н. Н. Обручев, впоследствии выдающийся военный деятель, — составлял род рекрутского депо для действующей армии, и хотя был хорош по строевому образованию, но по своим занятиям был менее всякой другой части нашей армии приготовлен к маневрированию и к настоящей боевой службе»¹⁸. При этом Меншиков достаточно хорошо выбрал позицию. Находясь на крутом берегу Альмы высотой около 30 м, русские с самого начала видели противника на всю глубину его расположения, который не мог поэтому скрывать свои движения. Союзники, наоборот, видели все время практически только передний край русских, не имея возможности точно определить их численность, что и объясняет заметную осторожность и медлительность их действий. В ходе сражения русские, уступая численности противника, медленно сворачивали свой фронт слева направо, прикрывая основной путь своего последовавшего отступления — Севастопольскую дорогу. Альминское дело очень напоминает арбергартное сражение.

В литературе нашлось место отголоскам споров участников дела о том, как надо было правильнее укрепить позицию или лучше расставить войска. Но, пожалуй, прав был все тот же Обручев, указав, что невозможно было, имея дело с двумя первоклассными противниками, удержать позицию «размером с Бородинскую» вчетверо меньшими силами¹⁹.

Решение Меншикова после сражения занять так называемую фланговую позицию, отступив к Бахчисараю, всецело одобренное императором Николаем I, также подтверждает его верный стратегический глазомер.

Трагедия русских усилий в Крыму 1854–1855 гг. заключалась в том, что, оказавшись у Меншикова на Альме еще хотя бы две или три дивизии, ход всей кампании мог бы радикально измениться. Но после того, как вражеский десант закрепился на Сапун-горе, задача сбрасывания врага в море многократно усложнилась. Под Севастополем возникла патовая ситуация, для возможного перелома которой постепенно прибывавших подкреплений, чем дальше, тем больше было недостаточно. Ради минимизации ущерба для России в изначально безнадежной войне император Николай I и его окружение реализовывали стратегию, четко и последовательно разделявшую все потенциальные и актуальные театры военных действий на главные и второстепенные. К последним в стратегическом отношении относился и самый кровавый из всех — Крымский. Изолированный Крымский театр оставлял мало возможностей для маневренной войны, где николаевская армия могла бы проявить свои лучшие качества. Одиннадцатимесячная позиционная борьба в Крыму после оставления южной стороны Севастополя привела к патовой ситуации, которую и предсказывал Паскевич в качестве наихудшего исхода.

Таким образом, верный своему монарху А. С. Меншиков полностью брал на себя ответственность за судьбу Севастопольской кампании в глазах современников и потомков, кампании, шансов на победу в которой у него заведомо не могло быть никаких.

После падения Севастополя войска в Крыму были сокращены, и к концу 1855 г. развертывание русской армии вновь приобрело характер, выгодный для большой войны в Европе²⁰. В результате австрийский генералитет так и не обрел уверенности перед лицом вероятной войны с Россией и остался в твердой оппозиции воинственным планам министра иностранных дел графа К.-Ф. Буоля²¹.

Причины поражения России в Крымской войне были недопонимаемы русским общественным мнением того времени²². Недоосмысление Крымской войны повлекло за собой недооценку военной системы императора Николая I, что отрицательно сказалось на разработке концепции военных реформ 1860–1870-х гг.

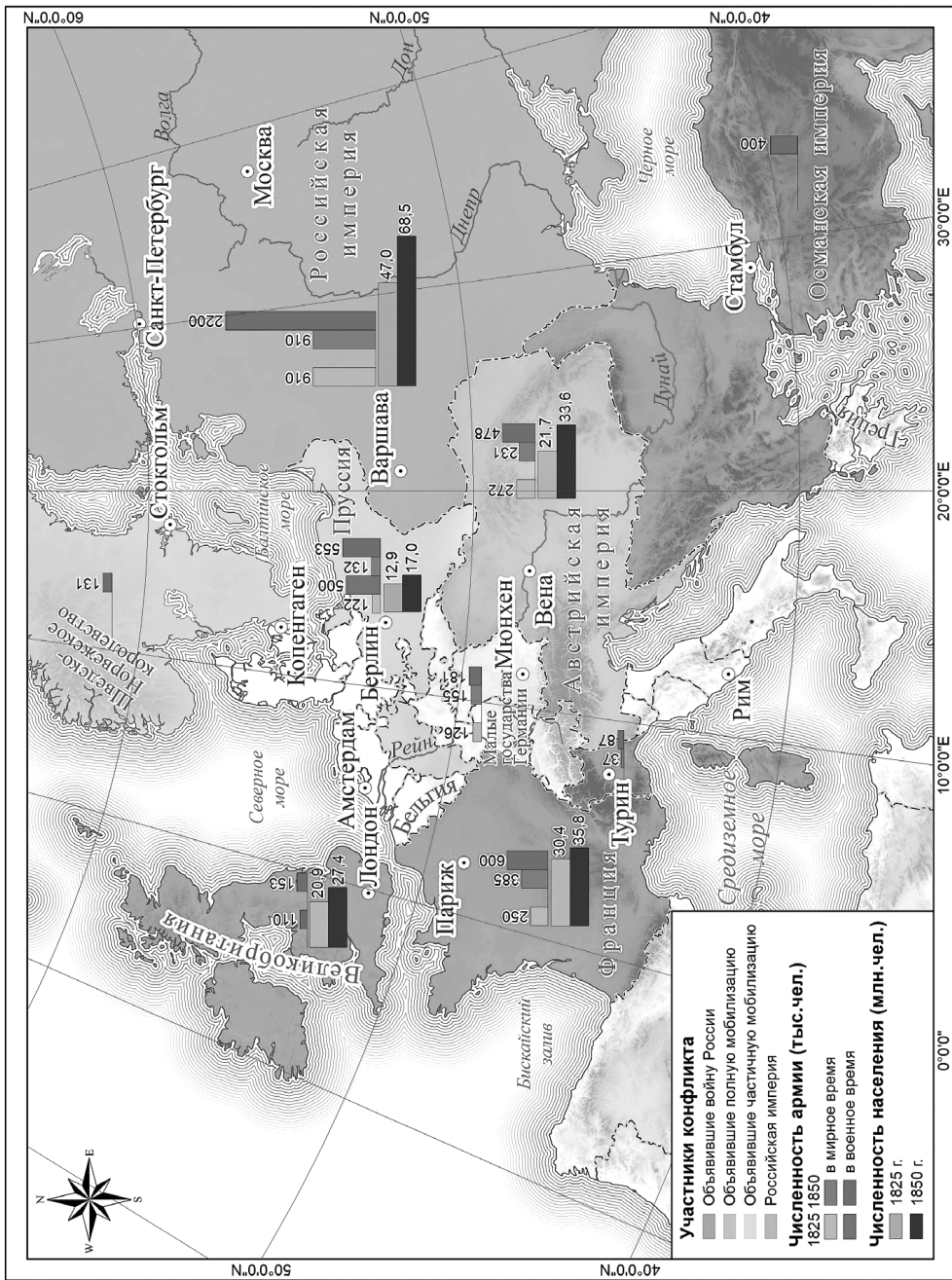
Несмотря на политические ошибки, поставившие страну перед столь безнадежной войной, благодаря четвертьвековым усилиям императора Николая I и его окружения в области военного строительства Россия, проиграв ее не позорно, но с честью — так считали в тогдашней Европе — и утратив

в результате первенствующее политическое положение на континенте, тем не менее сохранила себя в качестве Великой европейской державы.

В отечественной историографии же за полтора столетия прочно сложилась тенденция фактически редуцировать Крымскую (Восточную) войну до проблемы Крымской кампании, скрадывая таким образом подлинный стратегический масштаб и уникальный характер войны — единственной в новой и новейшей истории, которую Россия вела, будучи без единого союзника среди Великих держав (см. карту в приложении). Это обстоятельство мы должны осмыслить и внести соответствующие коррективы в наши представления.

- ¹ Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года: в 2 ч. Петрозаводск, 1997. С. 905.
- ² Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 39–40.
- ³ См.: Шевченко М. М. Конец одного Величия. М., 2003.
- ⁴ Там же. С. 128.
- ⁵ Шербаков А. Н. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 59–61.
- ⁶ Айрапетов О. Р. Атака и оборона Босфора в стратегии России и ее противников (апрель 1853 г. — январь 1854 г.) // Альминские чтения: Место Крымской (Восточной) войны в европейских военных конфликтах XIX в.: Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. Симферополь; Бахчисарай, 2014. С. 40.
- ⁷ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 123.
- ⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. СПб., 1913. С. 609–610; РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–22.
- ⁹ Переписка князя Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный сборник. 1902. № 3. С. 235–236.
- ¹⁰ См.: Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853–1856 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 8. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 238–272.
- ¹¹ Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1944. С. 62.
- ¹² Н. Исторический очерк развития штатов русского флота // Морской сборник. 1911. № 4. Отдел неофициальный. С. 14.
- ¹³ Князь А. С. Меншиков. 1853–1854 // Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. 847–850.
- ¹⁴ Панаев А. А. Князь Александр Сергеевич Меншиков. 1853–1869. СПб., 1877. С. 5–6, 7–8.
- ¹⁵ Князь А. С. Меншиков. 1853–1854. С. 851–853, 854.
- ¹⁶ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову. 1853–1855 // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 304.
- ¹⁷ Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и Крымская кампания 1854–1855 гг. // Альминские чтения. 2014. Вып. 4. С. 39–40.
- ¹⁸ Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный сборник. 1858. № 1. С. 4.
- ¹⁹ Там же. С. 4–5.
- ²⁰ Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 166–184.
- ²¹ Тэйлор А. Дж. II. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 103; *Rothenberg G. E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 50–52.
- ²² См.: Шевченко М. М. «Пока Европа в соединении, мы с ней бороться не в силах». Русская стратегия в Крымской войне и общественное мнение // Родина. 2009. № 8. С. 87–91.

Петербургский исторический журнал № 2 (2024)

Источник: Кривопапов А.А. Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019. С. 254.

References

- AJRAPETOV O. R. Zabytaja kariera “russskogo Mol'tke”. Nikolaj Nikolatvich Obruchev (1830–1904). [The forgotten career of the “Russian Moltke”. Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). In Russ.] St. Petersburg, 1998.
- AJRAPETOV O. R. Ataka i oborona Bosfora v strategii Rossii i jejo protivnikov (aprel' 1853 g. – janvar' 1854 g.) [The attack and defense of the Bosphorus in the strategy of Russia and its rivals (April 1853 – January 1854). In Russ.] // Al'minskije chtenija: Mesto Krymskoj (Vostochnoj) vojny v jevropeskikh konfliktakh XIX v. Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii. Vyp. 4. Simferopol' – Bakhchisaraj, 2014. S. 3–9.
- KERSNOVSKIJ A. A. Istorija russkoj armii. [The history of the Russian Army. In Russ.] T. 2. Moscow, 1993.
- KRIVOPALOV A. A. Fel'dmarshal I. F. Paskevich i russkaja strategija v 1848–1856 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and Russian strategy in 1848–1856. In Russ.] Moscow, 2019.
- KRIVOPALOV A. A. Fel'dmarshal I. F. Paskevich i problema strategii Rossii v Vostochnoj vojne 1853–1856 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and the problem of Russia's Strategy in the War in the East of 1853–1856. In Russ.] // Russkij sbornik. Issledovanija po istorii Rossii. T. 8. Vojnannaja politika imperatora Nikolaja I. Moscow, 2009. S. 238–272.
- KRIVOPALOV A. A. Fel'dmarshal I. F. Paskevich i Krymskaja kampanija 1854–1855 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and the Crimean Campaign of 1854–1855. In Russ.] // Al'minskije chtenija: Mesto Krymskoj (Vostochnoj) vojny v jevropeskikh konfliktakh XIX v. Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii. Vyp. 4. Simferopol' – Bakhchisaraj, 2014. S. 37–43.
- KUKHARUK A. V. Dejstvujuschaja armii v voennykh preobrazovanijakh pravitel'stva Nikolaja I. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni k.i.n. [The Active Army in the military transformations of the Government of Nicholas I. PhD thesis. In Russ.] Moscow, 1999.
- ROTHENBERG G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976.
- TARLE E. V. Krymskaja vojna: v 2 t. [The Crimean War: in 2 vols. In Russ.] T. 2. Moscow – Leningrad, 1944.
- TEJLOR A. J. P. Bor'ba za gosподство v Jevrope. 1848–1918. [The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. In Russ.] Moscow, 1958.
- USTRIALOV N. G. Russkaja istorija do 1855 goda, v dvukh chastiakh [Russian history before 1855, in two parts. In Russ.] Petrozavodsk, 1997.
- SHEVCHENKO M. M. Konets odnogo Velichija. Vlast', obrazovanie i pechatnoje slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform. [The end of one Greatness. Power, education and the printed word in Imperial Russia on the threshold of Liberation reforms. In Russ.] Moscow: Tri quadrata, 2003.
- SHEVCHENKO M. M. “Poka Evropa v soedinenii, my s nej borot'sia ne v silakh”. Russkaja strategija v Krymskoj vojne i obschestvennoje mnenije [“As long as Europe is united, we cannot fight it.” Russian strategy in the Crimean War and public opinion. In Russ.] // Rodina. 2009. No 8. S. 87–91.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Шевченко. Крымская (Восточная) война России: политика, стратегия и общественное мнение // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 10–22

Аннотация: Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. была единственной в новой и новейшей истории войной, которую Россия вела в политической изоляции, будучи без единого союзника в Европе. Это обстоятельство, а не техническое отставание, и было главной причиной ее проигрыша. Опираясь на достижения военного строительства 1830–1840 гг., император Николай I, фельдмаршал И. Ф. Паскевич и генерал А. С. Меншиков реализовали стратегию, четко разделившую все потенциальные – угрожаемые и актуальные театры военных действий на главные и второстепенные, к последним из которых принадлежал и самый кровавый из них – Крымский. Благодаря этому потери в заведомо безнадежной войне им удалось свести к минимуму, и Россия, утратив первенствующее положение в Европе, сохранила себя в качестве Великой державы. По обстоятельствам внутренней политики стратегия императора Николая I и его сподвижников не могла быть верно оценена русским общественным мнением. Историография Крымской войны фактически редуцировала ее масштаб до проблемы Крымской кампании. Эта традиция сохраняется по сей день и нуждается в переоценке.

Ключевые слова: внешняя политика России, Восточный кризис 1850 гг., русская стратегия, Николай I, И. Ф. Паскевич, А. С. Меншиков, Крымская война, Крымская кампания.

FOR CITATION

M. M. Shevchenko. Russia's Crimean War: Politics, strategy and public opinion // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 10–22

Abstract: The Crimean War of 1853–1856 was the only war in modern and contemporary history that Russia waged in political isolation, being without a single ally in Europe. This circumstance, and not a technical lag, was the main reason for her loss. Based on the achievements of military construction in 1830–1840, Emperor Nicholas I, Field Marshal I. F. Paskevich and General A. S. Menshikov implemented a strategy that clearly divided all potential – threatened and actual theaters of military operations into main and secondary ones, the latter of which included the bloodiest of them – the Crimean one. Thanks to this, they managed to minimize losses in a notoriously hopeless war, and Russia, having lost its dominant position in Europe, retained itself as a Great Power. Due to the circumstances of domestic policy, the strategy of Emperor Nicholas I and his associates could not be correctly assessed by Russian public opinion. The historiography of the Crimean War actually reduced its scale to the problem of the Crimean campaign. This approach persists to this day and needs to be reassessed.

Key words: Russian foreign policy, the Eastern Crisis of 1850, Russian strategy, Nicholas I, I. F. Paskevich, A. S. Menshikov, The Crimean War, the Crimean Campaign.

Автор: Шевченко, Максим Михайлович – к. и. н., доц. кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Author: Shevchenko, Maxim Mikhailovich – PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th – beginning of the 20th Century, History Faculty, Lomonosov's Moscow State University.

E-mail: Shevch_mm@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5257-4765